«Поклоняйтесь господу во благолепии святыни»: роль церковного здания в английской литургике середины XVI — начала XVII века

Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

Рекомендация для цитирования:

Давыдов И. П., Фадеев И. А. «Поклоняйтесь господу во благолепии святыни»: роль церковного здания в английской литургике середины XVI — начала XVII века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 4 (43). С. 51–72.

For citations:

Davydov, I.P., Fadeev, I.A. (2025) ""Worſhip the Lord in the Beauty of Holineſſe": Church Architecture and English Liturgy, c. 1550–c. 1625", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 4 (43): 51–72.

Поступила в редакцию: 30.09.2025; прошла рецензирование: 25.10.2025; принята в печать: 30.10.2025.

Received: 30.09.2025; Revised: 25.10.2025; Accepted for publication: 30.10.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

© 2025 by the author

Иван П. Давыдов

Институт всеобщей истории, Российская академия наук (Москва, Россия).
ioasaph@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–2512–0127

Иван А. Фадеев

Институт всеобщей истории, Российская академия наук (Москва, Россия).
fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

ORCID: 0000–0003–2202–2246

Объектом данного исследования является литургическое богословие английского теолога XVI века Ричарда Хукера, а предметом — его апология церковного благолепия перед лицом критики сторонников радикальной Реформации англиканского ритуала. Цель работы — экспликация взглядов Р. Хукера на «чувственность» (в смысле перцептивности и сенситивности, а не сентиментальности), как необходимое для верующих — наряду с «уподоблением» (imitation) и «повторением» (iteration) — свойство церковного богослужения. «Красота святости» для него зримо воплощается преимущественно в культовой архитектуре (а не в иконописи). Поэтому задачами исследования (от общего к частному) стали: 1) анализ эвристики современных теорий храмовой архитектуры; 2) определение в них места иеротопии и иеротопики; 3) согласование методологических позиций иеротопики и литургиологии в деле описания особенностей культовой практики различных христианских конфессий; 4) выясне-

ние влияния теологии литургии Р. Хукера на переосмысление концептуального, перцептивного и физического сакрального пространства деятелями Церкви Англии первой половины XVII века, такими как Ланселот Эндрюс, Ричард Нил, Уильям Лод. В качестве методологии выступает исторический анализ и оптика «материального поворота» в гуманитаристике. Учение Р. Хукера о «благолепии святыни» обогащает современную ритуалогию новыми данными по английской теоэстетике позднетюдоровской и раннестюартовской эпох.

Ключевые слова*:* философия религии, семиотика и прагматика храмового зодчества, теория спатиализации, англиканство, Церковь Англии, сакральная архитектура, теоэстетика, Ричард Хукер, литургическое богословие, ритуалистика, визуальная антропология, визуалистика

“Worſhip the Lord in the Beauty of Holineſſe”: Church Architecture and English Liturgy, c. 1550–c. 1625

Ivan P. Davydov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
ioasaph@yandex.ru
ORCID: 0000–0002–2512–0127

Ivan I. Fadeev

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
fadeyev.ivan@yahoo.co.uk
ORCID: 0000–0003–2202–2246

This article explores Richard Hooker’s liturgical theology and his defence of ecclesiastical splendour against the critiques of radical Reformation thinkers. It argues that Hooker regarded sensation — understood as perception and sensibility rather than sentimentality — as a vital dimension of worship, complementing imitation and iteration. For Hooker, the “beauty of holiness” achieved its fullest expression not through iconography but through the spatial and material language of sacred architecture. The study unfolds in four parts. It first analyses the heuristic models underlying late sixteenth-century theories of sacred architecture. It then examines the concepts of hierotopy and hierotopics as frameworks for understanding the creation and experience of holy space. The third section reconciles the methodological approaches of hierotopics and liturgics in the study of Christian ritual practices, demonstrating how spatial design and liturgical performance interact as complementary modes of theological expression. The final section traces the legacy of Hooker’s liturgical aesthetics in the reconfiguration of sacred space by later figures such as Lancelot Andrewes, Richard Neile, and William Laud. Methodologically, the article combines historical analysis with insights from the material turn in the humanities, situating Hooker’s theology within wider debates on ritual and material culture. It concludes that Hooker’s conception of the “beauty

of holiness" illuminates the theological aesthetics of the Late Tudor and Early Stuart Church of England and offers a distinctive perspective for contemporary ritual studies. His synthesis of theological reason, sensory experience, and architectural imagination demonstrates how Anglican worship sought to embody divine order through material splendour.

Keywords: philosophy of religion, semiotics and pragmatics of temple architecture, theory of spatialisation, Anglicanism, Church of England, sacred architecture, theological aesthetics, Richard Hooker, liturgical theology, ritual studies, visual anthropology, visual studies

Статья публикуется в рамках проекта РНФ № 25–28–00280 «Литургический маркер религиозной идентичности христиан России и Западной Европы доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох». https://rscf.ru/project/25–28–00280/

The article is published as part of the Russian Science Foundation project No. 25–28–00280 "The Liturgical Marker of Religious Identity of Christians in Russia and Western Europe in the Pre-Industrial, Industrial, and Post-Industrial Era". https://rscf.ru/project/25–28–00280/

Анализируя современное состояние западноевропейской и североамериканской гуманитаристики (в первую очередь философии и истории культуры, социальной и визуальной антропологии, музееведения[1] и визуалистики[2]), многие авторы констатируют свершившийся в ней к рубежу прошлого и нынешнего столетия «поворот к материальному», то есть перенос фокуса исследовательского внимания с духовной составляющей культуры не просто на «зримые», а на «тактильно ощутимые» вещи и артефакты[3]. Не минул этот поворот как историческую науку, так и религиоведение[4], хотя, на наш взгляд,

[1] См., напр.: Bouquet, M. (2012) *Museums. A Visual Anthropology*. London–New York: Berg; Buggeln, G., Paine, C., Brent Plate, S. (eds) (2017) *Religion in Museums: Global and Multidisciplinary Perspectives*. London–Oxford–New York–New Delhi–Sydney: Bloomsbury Publishing.

[2] См., напр.: Heywood, I., Sandywell B. (eds) (1999) *Interpreting Visual Culture: Explorations in the Hermeneutics of Vision*. London–New York: Routledge; Mirzoeff, Ns. (1999) *An Introduction to Visual Culture*. London–New York: Routledge, 1999; Smith, M. (2008) *Visual Culture Studies*. Los Angeles–London–New Delhi–Singapore: SAGE; Jenks, C. (ed.) (1995) *Visual Culture*. London–New York: Routledge.

[3] См., напр.: Christensen, L.B., Jensen, J.T. (eds) (2017) *Religion and Material Culture. Studying Religion and Religious Elements on the Basis of Objects, Architecture, and Space Proceedings of an International Conference held at the Centre for Bible and Cultural Memory, University of Copenhagen and the National Museum of Denmark, Copenhagen, May 6–8, 2011*. Turnhout: Brepols Publishers.

[4] См., напр.: Brent Plate, S. (ed) (2015) *Key Terms in Material Religion*. London–Oxford–New York: Bloomsbury Academic; Hutchings, T. et McKenzie, J. (2016) *Materiality and the Study of Religion: The Stuff of the Sacred*. New York: Routledge; Morgan, D. (2021) *The Thing about Religion: An Introduction to the Material Study of Religions*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

говорить о нем в России приходится с некоторыми оговорками и с оглядкой на сравнительно недавнее прошлое. Ибо, во-первых, научный атеизм в трудах классиков марксизма-ленинизма задолго до нынешних властителей умов был укоренен в диалектическом и историческом материализме (на весь советский период ставшем единственно возможной философией в академических институциях стран социалистического лагеря). Во-вторых, общая история и — в особенности — археология[5] (а за ними следом и исторические дисциплины «родительного падежа», к каковым справедливо причислить и историю религии, и историю искусства) все-таки предпочитали и предпочитают иметь дело с весомыми следами материальной культуры[6], дабы не превратиться в историософию (или философию истории).

Философия сакральной архитектуры

К таковым весомым следам, детерминирующим «моторно-топологические схемы действия», поражающим своими циклопическими размерами, тектонической мощью, умением сопротивляться течению времени, относятся, разумеется, и памятники архитектуры, в том числе религиозной. Для философской визуалистики, визуальной антропологии и урбанистики наглядным примером могли бы послужить каменные храмы[7] любых стилей и эпох[8], но здесь мы сосредоточим свое внимание исключительно на английском материале[9], поскольку в данном случае

[5] Droogan, J. (2013) *Religion, Material Culture and Archaeology*. London–Oxford–New York: Bloomsbury Academic.

[6] См.: *Давыдов И.П.* Роль культуральных поворотов в изучении истории религии и церкви // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 12; Anderson, C. (2007) *The Material Culture of Domestic Religion in Early Modern Florence, c. 1480 — c. 1650*. Two Vols. York: The University of York; Laneri, N., Steadman, S.R. (eds) (2023) *The Bloomsbury Handbook of Material Religion in the Ancient Near East and Egypt*. London–Oxford–New York–New Delhi–Sydney: Bloomsbury Academic.

[7] Kieckhefer, R. (2004) *Theology in Stone: Church Architecture from Byzantium to Berkeley*. Oxford: Oxford University Press.

[8] См., напр.: *Кох В.* Энциклопедия архитектурных стилей. Классический труд по европейскому зодчеству от античности до современности / пер. с нем. Л.И. Кныш. М.: Бертельсманн Медиа, 2005; *Павлов Н.Л.* Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Hovorun, C. (2019) *Sacred Architecture in East and West*. Los Angeles: Marymount Institute Press.

[9] См.: *Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П.* История английской архитектуры / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

нас интересует литургическое богословие Ричарда Хукера в том его прочтении, которое сегодня позволяет нам развивать новые направления историко-религиоведческой мысли — ритуалогию, литургиологию и иеротопику[10]. По нашему убеждению, только на прочном эмпирическом фундаменте, обеспечивающем надежную доказательственную базу[11], можно строить теории, требующие высокого уровня абстракции[12], чтобы на поверку они не оказались «воздушными замками».

Иеротопия и иеротопика

В русскоязычном сегменте философии архитектуры и сакральных пространств[13] сегодня распространение получил термин «иеротопия», благодаря А. М. Лидову[14] пришедший на смену историко-археологическому понятийному аппарату, оперирующему терминами «сакральная топология», «сакральная география», «сакральная топография»[15] для «привязки на местности» и первичной дескрипции участков раскопок священных для той или иной религиозной культуры районов (остатков селищ отшельников, жреческих городищ, руин храмовых и дворцовых

[10] См. подр.: *Давыдов И. П., Фадеев И. А.* Сравнительная литургика как историческая дисциплина: эпистемологический аспект // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 5. С. 5–20; *Давыдов И. П.* Философия литургии как религиоведческая дисциплина // Религиоведческий альманах. 2025. Т. 14. № 1. С. 31–37; *Давыдов И. П.* Философия христианского литургического искусства // Искусство и религия: антиномии природы человека: сб. науч. докладов Всероссийской научной конференции. Владимир, 2025. Владимир: Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. С. 80–88.

[11] См.: *Давыдов И. П.* Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 20–21.

[12] Напр.: *Бюхли В.* Антропология архитектуры / пер. с англ. М. В. Григорьевой и О. В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2017; *Дорофеев Д. Ю., Марков Б. В.* Визуальная антропология и коммуникация: философский взгляд. СПб.: РХГА, 2022.

[13] См.: Семиотика пространства: сб. науч. трудов Междунар. ассоц. семиотики пространства / под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999.

[14] См.: Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред-сост. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994; Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.—сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006; Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума / ред.—сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006.

[15] См.: Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей / отв. ред. О. В. Белова. М.: Ин-т славяноведения РАН, Сэфер, 2008; Сакральная топография средневекового города / ред.—сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев // Известия Института христианской культуры Средневековья. Т. 1. М.: ИХКС, 1998.

комплексов, погребальных сооружений, площадок проведения религиозных церемоний и т. п.).

Однако термины «иеротопия» и «иеротопика» — не синонимы (иначе к одной из них необходимо было бы применить «бритву Оккама»). *Иеротопия* по самой своей этимологии (от др.-греч. «иерос» — священный и «топос» — место) — описание священного локуса (точно так же, как, например, «утопия» — описание благого, идеального места). А используемое нами понятие *иеротопика* (термин встречается уже в трудах Р. М. Шукурова[16], но в ином контексте) — указывает на теоретический уровень осмысления эмпирического материала, подобно тому, как даже в бытовом языке различают поэзию и поэтику, мифологию и мифологику. Иеротопика — это надстроечная философская теория сакральных пространств, инкорпорирующая на правах генерализующей дисциплины и семиотику храмового зодчества, и иеротопию (сакральную топографию), и урбанистику священных городов[17]. Собственно, иеротопика может быть представлена как религиоведческая семиотика сакральных пространств. И ниже будет показано на конкретных цитатах из творческого наследия Ричарда Хукера и его сегодняшних единомышленников, как в философско-религиоведческом дискурсе корреспондируют друг с другом иеротопика и литургиология, образующие вместе с иконикой теоретический базис современной ритуалогии.

Итак, при чем же здесь английский теолог Ричард Хукер (25 марта 1554–2 ноября 1600)? О нем уже приходилось нам писать[18], в том числе с методологических позиций ритуалогии[19]. Вызывает удивление, что даже в новейшей пятитомной «Оксфордской истории англиканства» хоть и поднимаются вопросы истории богослужения, они не оказываются в фокусе ритуалогического (или у́же — литургиологического) научного внимания. В пер-

[16] См.: *Шукуров Р. М.* Создание сакральных пространств: две новые публикации // Византийский временник. 2010. Т. 69. № 94. С. 370–374.

[17] См.: *Давыдов И. П.* Урбанистика православного храма // Религиоведение. 2002. № 1. С. 137–148.

[18] См.: *Фадеев И. А.* Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: Маска, 2015. С. 96–151; Palamarchuk, A.A. et Fadeyev, I.A. (2018) “Richard Hooker’s Doctrine of Royal Supremacy in the Church of England”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya* 63 (1): 158–173.

[19] См.: *Давыдов И. П., Фадеев И. А.* Конфессиональная (само)идентификация в Церкви Англии конца елизаветинской эпохи: взгляды Ричарда Хукера на церковный ритуал // Диалог со временем. 2023. Вып. 82. С. 29–43.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

вом томе «Оксфордской истории англиканства», посвященном теме «Реформации и идентичности, ок. 1520–1662 гг.», в разделе «Литургия и богослужение» Р. Хукер, его взгляды на литургию и его апология обрядов Церкви Англии вообще не упомянуты[20], хотя Р. Хукер — один из самых авторитетных и продуктивных мыслителей своего времени[21]. Именно он стоял у истоков апологии структурированного богослужения и традиционных его элементов в эпоху английской Реформации. И его вклад в западно-христианское литургическое богословие XVI века трудно переоценить, особенно ретроспективно, на достаточно большой хронологической дистанции протяженностью в 500 лет.

Дискуссии вокруг литургии и организации пространства зданий церквей в позднетюдоровской и ранеестюартовской Церкви Англии являлись не столько спорами о догматике и (тео)эстетике, сколько процессами институционализированного формирования идентичности. На материале истории Реформации можно увидеть, что ритуал выступал центральным инструментом (само)идентификации, функционируя одновременно как в режиме «внешней» институциональности, так и в режиме «внутреннего» самоопределения[22]. В английской реформированной Церкви данная динамика воплотилась в лояльности *Книге общей молитвы*, Короне и епископальной политии[23].

Закрепляя нормы богослужебной жизни в устойчивых литургических формах, обрядах и пространственных решениях, реформированная Церковь Англии создавала институциональные структуры, стабилизирующие коллективную идентичность. Ритуал, благодаря своей повторяемости и символической нагруженности, обеспечивал преемственность и предсказуемость, одновременно формируя «мыслящие моральные сообщества». Споры вокруг расположения алтаря, единообразия обряда и «красоты святости» выявляют конфликтный характер этого процес-

[20] Milton, A. (ed) (2017) *Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Vol. I. Reformation and Idenity, c. 1520–c. 1662*, pp. 148–167. Oxford: Oxford University Press.

[21] В этом легко убедиться, пролистав его собрание сочинений: Keble, J. (ed.) (1876) *The Works of That Learned and Judicious Divine, Mr. Richard Hooker: with an Account of His Life and Death*. Oxford: At the Clarendon Press.

[22] См.: *Фадеев И.А.* Литургия, конфессиональная идентичность и институциональные изменения: лютеранские и реформатские литургические проекты в эпоху Реформации // Новая и новейшая история. 2025. № 4. С. 31.

[23] См.: *Фадеев И.А.* Церковь Англии XVI–XVII вв.: литургия, идентификация, лояльность // История. 2024. Т. 15. Вып. 5 (139).

са: однажды институционализированные практики ограничивали — из-за «эффекта колеи» — возможности дальнейших реформ и становились механизмами конфессионального размежевания. Возникновение специфически англиканской идентичности, сочетающей свой особый ритуал, уникальное богословие и строй церковного управления, предстает как парадигмальный случай «литургической конфессионализации» в рамках более широких динамик историко-институциональных изменений[24].

В свете взглядов на религию Эмиля Дюркгейма становится понятно, что любая более-менее развитая религия (христианство в том числе) с необходимостью включает в себя три аспекта: догматическую ортодоксию (иначе говоря, «правоверие»), ритуальную и этическую ортопраксию (право-«славие») и организационное оформление («воцерковленность»)[25], причем генерализующей метафункцией религии выступает именно ритуальная[26]. Эти наблюдения французского социолога имеют непреходящее значение как для ритуалогии в целом, так и для теологии литургии, философии и семиотики храмового пространства и зодчества[27].

В правление короля Эдуарда VI (28 января 1547–6 июля 1553), на который приходится наиболее радикальная фаза английской Реформации, христианские приходы Англии испытали на себе негативные последствия демонтажа всех атрибутов традиционного католического благочестия. Католическая месса — включая богато украшенные облачения священников и сами ал-

[24] См.: *Фадеев И.А.* Церковь Англии XVI–XVII вв.: литургия, идентификация, лояльность // История. 2024. Т. 15. Вып. 5 (139); *Он же.* Литургия, конфессиональная идентичность и институциональные изменения: лютеранские и реформатские литургические проекты в эпоху Реформации. С. 31, 46.

[25] См.: *Давыдов И.П., Фадеев И.А.* Как мыслят церковные институты. Механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. Вып. 89. С. 220–231; *Фадеев И.А.* Литургия, конфессиональная идентичность и институциональные изменения: лютеранские и реформатские литургические проекты в эпоху Реформации. С. 28–29; *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М.: Дело, 2018.

[26] См.: *Давыдов И.П.* Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 51–116.

[27] Kilde, J.H. (2008) *Sacred Power, Sacred Space: An Introduction to Christian Architecture and Worship*. Oxford: Oxford University Press; Kilde, J.H. (2022) *The Oxford Handbook of Religious Space*. New York: Oxford University Press; Swenson, E. (2024) *Infrastructures of Religion and Power. Archaeologies of Landscape, Ritual, and Semiotics*. London–New York: Routledge; Schwarz, R. (1958) *The Church Incarnate: The Sacred Function of Christian Architecture*. Chicago: Henry Regnery Co.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

тари (даже их конструкция) — подвергалась нападкам, так же, как и евхаристическое значение, придаваемое символам освященного хлеба и вина.

То есть для пуритан церемониальная сторона богослужебной жизни елизаветинской Церкви была не просто старомодной, а догматически ошибочной, суеверной и «папистской». Они отвергли *Книгу общей молитвы*, пышные облачения клириков, фиксированные литургические формулы, символические жесты и вообще все, что не находило прямого соответствия Библии. А Ричард Хукер ратовал за баланс сил, он предложил достичь консенсуса между антикатолической политикой, которой требовали придерживаться пуритане, и антиреформационной риторикой апологетов «старой религии». И во многом ему это удалось претворить в жизнь.

Современные исследователи творческого наследия Ричарда Хукера эксплицировали три центральных аспекта его литургического богословия: «уподобление» (*imitation*); «повторение» (*iteration*); «чувственность» (*sensation*). В свете вышеупомянутого «материального поворота» в науках о религии на аспекте соматической сенситивности здесь следует остановиться подробнее, поскольку именно он является «телесно ощущаемой» смычкой между духовным и плотским миром, так как уподобление публичного богослужения «достоинству и славе» Civitas Dei реализуется посредством «чувственных средств» (*by sensible means*). Усердный труд поклонов и процессий (казалось бы, нечто внешнее в «молитвенном делании»), согласно Р. Хукеру, настолько важен, что, как отмечает его комментатор Чарльз Миллер, публичное богослужение для него — это дело в большей степени «колен и рук»[28] (нежели очей и голосовых связок, так как прилюдно, полноправно и продуктивно молиться могут и слепые, и немые, и увечные).

Храм

Ричард Хукер был убежден, что, например, регулярное осенение себя крестным знамением и коленопреклонение при причащении не только психомоторно вовлекают само тело христиани-

[28] LEP V, lxxxi: 10; Miller, C. (2013) *Richard Hooker and the Vision of God: Exploring the Origins of 'Anglicanism'*, p. 132. Cambridge: James Clarke and Co Ltd.

на в богослужение, но, являясь «связующими звеньями» между земным и небесным, способны приносить ему духовное благо[29]. В этом же контексте немаловажным является вопрос о роли, которую Р. Хукер отводил церковным зданиям. Он указывает, что для всякого торжественного служения Богу должно быть установлено и приготовлено соответствующее место[30]. Для подтверждения своих слов он приводит примеры Адама в раю, у которого было «где предстать перед Господом», Каина и Авеля, у которых «также было место, где принести свои жертвоприношения», и патриархов, которые «использовали алтари, и горы, и рощи для той же самой цели»[31].

Обращается он и к опыту исхода еврейского народа: «В огромной пустыне, когда у народа Божьего не было постоянного обиталища, тем не менее, Господом было им повелено сделать переносной храм»; «...Господь избрал Иерусалим, а в Иерусалиме — гору Мория, дабы там иметь Свое постоянное обиталище...»; «После того, как был разрушен первый дом Божий, второй был построен на его месте...»; «Кроме сего Храма, и в Иерусалиме, и в других частях страны, с течением времени, появилось немалое количество синагог, которые они могли посещать. Сам Господь наш и, вслед за ним, апостолы часто посещали и первый, и последние»[32]. А уж насколько образы земного и Небесного Иерусалима оказались востребованными в теоэстетике всей христианской ойкумены (не исключая ее восточно-византийский и российский сегменты), становится очевидным даже из беглого обзора соответствующих публикаций последних тридцати лет[33].

Говоря о раннехристианской церкви первых веков, Р. Хукер указывает, что из-за политики властей верные могли отправлять

[29] LEP V, lxv: 6; Miller, C. *Richard Hooker and the Vision of God*, p. 132.

[30] LEP V, xi:1.

[31] Ibid.

[32] Ibid.

[33] См. на рус. яз.: *Бондаренко И.А.* Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017. С. 179–374; Иерусалим в русской культуре / отв. ред. — сост. А.Л. Баталов и А.М. Лидов. М.: Наука; Вост. лит-ра, 1994; Небесный храм в раннем иудаизме и христианстве / под ред. Томаса Гарсии-Уидобро и А.А. Орлова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2022; *Таруашвили Л.И.* Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках ордерного зодчества. М.: Языки русской культуры, 1998; Храм земной и небесный. Вып. 1 / сост. Ш.М. Шукуров. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Храм земной и небесный. Вып. 2 / сост. Ш.М. Шукуров. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

свой культ исключительно тайно[34]. С появлением же «королей и императоров, которые искренне поддерживали Христианскую истину… храмы повсеместно были возведены. <…> Весь мир казался ликующим, ибо получил возможность излить свои дары на столь благословенный замысел»[35]. Также Р. Хукер выступает в защиту специальных обрядов, служащих для освящения церквей[36]. Согласно Р. Хукеру, церкви получают свое совершенство от той цели, к которой они предназначены, а именно — от общественного богослужения, которое в них совершается. При этом правильное устройство и убранство церкви оказывают влияние на верующих: «…само величие и святость места, в котором поклоняются Богу, имеет в отношении нас добродетельное действие (*virtue*), силу (*force*) и действенность (*efficacy*), ибо оно служит чувственной помощью для воспламенения благочестия…»[37] Поэтому, заключает Р. Хукер, для служения Богу нет лучшего места, чем церковь: «…и нет увещевания более соответствующего, чем Давидово: "*поклоняйтесь Господу во благолепии святыни*"[38]»[39]. Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно утверждать, что теоэстетика «красоты святости», которая окажется одной из центральных среди богословско-философских размышлений английских авторов XVII века, находит свое аргументированное обоснование уже в трудах Р. Хукера.

Первые Стюарты стремились сохранить религиозное единообразие в Англии, чему, в частности, способствовало учение

[34] LEP V, xi:2.

[35] Ibid.

[36] Он утверждает, что эти обряды (в частности, закладка первого камня епископом) служат тройной цели: во-первых, они соделывают эти здания общественными (public) (LEP V, xii: 1), что необходимо для общественного осуществления служения Богу: «Надлежит, чтобы место, где Богу будет служить вся Церковь, было общественным…» (LEP V, xii: 2). При этом он считает ошибочным мнение, согласно которому «присутствие множества христиан и совершение среди них богослужений делает место [их собрания] общественным», поскольку «единственной вещью, которая соделывает любое место общественным — это общественное выделение оного для подобных служений» (LEP V, xii: 2). Во-вторых, торжественное освящение служит не только для соделывания соответствующих мест общественными, но также «для отказа от тех прав, которые бы их создатели могли иметь на них, и соделывания Господа их владельцем» (LEP V, xii: 3). В-третьих, освящение провозглашает всем, что здание предназначается для «святого и благоговейного использования» (LEP V, xii: 3).

[37] LEP V, xvi: 1.

[38] Именно этот стих (Пс. 96:9) послужил своеобразным «камертоном» или эпиграфом, вынесенным в название нашей публикации.

[39] LEP V, xvi:2.

о королевской супрематии и о месте и роли епископата в Церкви. Именно в первые четыре десятилетия XVII века в Церкви Англии наблюдался процесс активной реставрации ритуальных практик. Н. Йейтс замечает, что характерной чертой ритуального возрождения XVII века, отличавшего его от аналогичного процесса XIX века, являлась активная поддержка епископов[40]. При этом и в XVII, и в XIX веках главной движущей силой в этом процессе был клир, действовавший при поддержке мирян в приходских общинах[41].

Начало возрождения в XVII веке английского церковного благолепия обычно связывают с убранством епископских часовен и особенностями проводимых в них богослужений. Пальма первенства здесь принадлежала Ланселоту Эндрюсу в период, когда он занимал кафедру Или (1609–1618). В его часовне сохранилось множество предметов и обрядовых нюансов, характерных для средневекового церемониала мессы[42], которые постепенно стали проникать в общепринятую литургическую практику Англии.

В XVII веке идеи Р. Хукера о месте и роли ритуала и ритуальной практики в жизни церкви оказываются в центре богословских интересов самых авторитетных иерархов и богословов Церкви Англии. Ведущую роль здесь играет «красота святости», которая, по замечанию Питера Лейка, наделяла ритуал Английской церкви его *raison d'être*[43]. Для английских богословов XVII века четко определенные архитектурные и литургические формы, воплощавшие в жизнь «красоту святости», стали важнейшими требованиями, предъявляемыми к каждой приходской церкви в стране, а основной чертой «истинного христианина» стало то, что тот же П. Лейк назвал «ритуальным конформизмом»[44].

Елизаветинский конформизм, «реформу» которого начал еще Р. Хукер, был окончательно пересмотрен именно в этот период. Стремясь подчеркнуть отделенность здания церкви (как сакрального объекта) от профанного мира, необходимость ритуала

[40] Yates, N. (1996) *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*, p. 18. Oxford: Oxford University.

[41] Ibid.

[42] Ibid., p. 18–19.

[43] Lake, P. (1992) "The Laudians and the Argument from Authority", in B. Young Kunz, D. D. Brautigam (eds) *Court, Country and Culture: Essays on Early Modern British History in Honor of Peter Zagorin*, p. 150. New York: Rochester University Press.

[44] Ibid., p. 151.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

и церемоний, которые архитектонически и соматически вовлекают само тело человека в область священного, а также соответствующего церковного декора, они обращаются уже не столько к авторитету Короны, имеющему власть над областью адиафоры, и зачастую даже не к власти Церкви (развивая идеи Ричарда Хукера о двойственной природе ритуала, установленного как божественным, так и человеческим законом), сколько они делают центральной референтной точкой Божественную волю, раскрытую в Писании и в древней (апостольской) церковной традиции[45]. Это отсылает нас к высокой схоластике, точнее, к томистской иерархии законов (*вечный* [совершенный ум Творца] — *естественный* [несовершенный ум твари] — *человеческий* [право королей] — *божественный* [слово Божье, запечатленное в библейском Писании]).

Утверждая, что церковное здание являлось святым местом, они указывали, что источником этой святости являлось божественное присутствие внутри самой церкви. Для подтверждения этой идеи они, вслед за Р. Хукером, обращались к текстам Ветхого Завета. Так, Томас Лоуренс в своей проповеди в 1634 году провозгласил: «Он [то есть Бог. — *И.Ф.*] присутствует (*presence*) поистине везде, но, в особенности, пребывает (*residence*) Он там [то есть в церкви. — *И.Ф.*]: и хотя, согласно Иеремии, сущность (*essence*) Его распространена на небе и на земле, но слава Его, согласно Исходу, особенно связана с Ковчегом Завета; лестница, которую видел Иаков, по которой восходили и нисходили ангелы, эта главная дорога между небом и землей, находилась в Бейт-Эле, „доме Божьем“, а в еврейском народе престол искупления или милосердия находился в Храме»[46]. Параллели с Храмом, по мысли П. Лейка, предполагали равнозначную святость здания церкви — с одной стороны, и сакральность и отделенность находящихся в ней вещей, освященных для богослужения[47], — с другой.

Сакральный статус церкви должен был находить свое отражение в ее архитектуре и убранстве. Рассуждая о том, что составля-

[45] Ibid., pp. 150–151.

[46] Laurence, T. (1635) *Two Sermons, the First Preached at St Mary's Oxford, 13 July, 1634, being act Sunday, the Second in the Cathedral Church of Sarum at the Visitation of… William Archbishop of Canterbury… May 23, 1634*, pp. 20–21. Oxford; Laurence, T. (1637) *A sermon Preached Before the King's Majesty at Whitehall, 7 February 1636*, pp. 1–4. London. (Цит. по: Lake, P. (1992) "The Laudians and the Argument from Authority", p. 151).

[47] Lake, P. "The Laudians and the Argument from Authority", p. 151.

ет святость Божьего дома, Роберт Шелфорд, в первую очередь, говорит об обязанности христиан «…украшать (*adorn and beautifie*) его [то есть здание церкви.— *И.Ф.*] соответственно Его величию, согласно образцу, который Он сам дал, украсив Свой Ковчег…[48] Красота и святость (*comelineſſe and holineſſe*) соединили руки свои… И Псалмопевец говорит: „Поклоняйтесь Господу в благолепии святыни“ (*Worſhip the Lord in the beauty of holineſſe*)[49]»[50].

Алтарь

Одним из центральных аспектов английского ритуального возрождения был, помимо прочего, вопрос о положении церковных алтарей. В период правления Эдуарда VI приходам было предписано разрушать стационарные каменные алтари у восточной стены церкви и предполагавшие классическое совершение литургии *ad orientem*, заменяя их деревянными столами, которые должны были бы располагаться в центре церкви. Во многих приходах, несмотря на данные предписания, каменные алтари были сохранены, дожив до правления королевы Марии I. При Елизавете вопрос о сохранении алтарей или замене их причастными столами был официально решен в пользу сохранения алтарей (благодаря принятию в 1559 году «Акта о единообразии» и, соответственно, утверждения *Книги общей молитвы* редакции того же года), хотя *de facto* это решение часто нарушалось на местах особо рьяными сторонниками реформы, что зачастую игнорировалось королевскими визитаторами.

В XVII веке, проводя параллели между Иерусалимским храмом и церковью, богословы Английской церкви уделяли пристальное внимание такому аспекту, как внутреннее деление сакрального пространства. В связи с этим Святая святых (ивр. שדוק

[48] См.: Исх. 31: 1–11.

[49] Здесь следует отметить существующую разницу между переводами. Синодальный перевод этого места (Пс. 92: 5): «Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни». Библия Короля Якова (King James Bible; официальный перевод Библии, принятый на тот момент в Церкви Англии, опубликованный в 1611 году) и первый полный перевод католической Библии на английский, Дуэ-Реймс (Douay-Rheims Bible), дают несколько отличающийся по форме, но идентичный по смыслу перевод: «holiness becometh thy house, O Lord» (Ps. 92: 5, DRB); «holiness becometh thine house, O Lord, for ever» (Ps. 93: 5, KJV) — «святость становится домом Твоим, о Господь».

[50] Shelford, R. (1635) “A Sermon Shevving How we Ought to Behave Ourselves in Gods House”, in Shelford, R. *Five Piovs and Learned Discourses*…, p. 11. Cambridge.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

מישדוקה) Храма и располагавшийся в ней Ковчег завета рассматривались как прообразы пресвитерия и алтаря христианских церквей. Так, Роберт Шелфорд писал, что «и до сего дня все наши церкви, по многим разным причинам, называются святилищами, но особенно это касается Господней трапезы или высокого алтаря, стоящего в верхней части оных, который суть престол милосердия Иисуса Христа, на котором вечное жертвоприношение совершается и предлагается Святой Троице»[51]. Аналогия между скинией/храмом древних иудеев и христианской церковью, таким образом, касалась не только внешней формы, но и внутренней организации.

Аналогичную мысль выражал и Джозеф Мид, утверждая, что «Христос присутствует здесь [то есть на алтаре.— *И.Ф.*] настолько же, насколько Господь присутствовал на престоле милосердия между херувимами»[52]. П. Лейк отмечает, что именно подобный подход лежал в сердце всей «алтарной политики» эпохи Стюартов[53]. Уже в 1617 году алтари соборов Дарема и Глостера были перенесены к восточной стене — на то место, где они стояли в течение всего Средневековья вплоть до правления Эдуарда VI. Воссоздание алтарных перегородок, как указывает Н. Йейтс, было инициировано Л. Эндрюсом в его собственной часовне[54], откуда к 1625 году эта практика распространилась по часовням королевского двора (что неудивительно, если учитывать, что Л. Эндрюс с 1617 по 1626 год был деканом оных), а также по часовням других епископств[55].

В административном плане практику перенесения алтарей к восточной стене церквей и воссоздания алтарных оград сделал обязательной архиепископ Йоркский Ричард Нил в результате своей митрополичьей визитации 1632–1633 годов[56]. Он занял кафедру Йорка в 1631 году. Сама кампания началась в ян-

[51] Shelford, R. “A Sermon Shevving How we ought to behave ourselves in Gods house”, p. 4.

[52] Mede, J. (1638) *The Reverence of Gods House: A Sermon Preached at St. Maries in Cambridge, Before the Universitie on St. Matthies day, Anno 1635/6*, p 10. London: M.F. for Iohn Clark.

[53] Lake, P. “The Laudians and the Argument from Authority”, p. 155.

[54] Fincham, K. (2001) “The Restoration of Altars in the 1630s”, *Historical Journal* 44 (4): 925.

[55] Yates, N. *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*, p. 19.

[56] Fincham, K. “The Restoration of Altars in the *1630s*”, p. 922.

варе 1633 года[57]. Следует отметить, что Р. Нил еще до вступления на архиепископскую кафедру был апологетом обсуждаемой политики. Во-первых, будучи епископом Дарема (1617–162), он распорядился возвести в своем соборе каменный алтарь и инициировал процесс литургического возрождения во всем диоцезе, где приходские церкви последовали его примеру[58]. А, во-вторых, сменив Ланселота Эндрюса на кафедре Винчестера в 1627 году, он потребовал передвинуть причастный стол к восточной стене своего собора[59]. К слову, в 1634 году к инициативе архиепископа Йоркского присоединился и примас Английской церкви архиепископ Уильям Лод, бывший некогда капелланом при Р. Ниле и издавший общий для своей провинции приказ о превращении всех причастных столов в стационарные алтари[60]. Это произошло, когда Ричард Нил занимал кафедру Рочестера (1608–1610).

Говоря языком семиотики и прагматики архитектуры[61], здесь становится заметно очередное изменение «моторно-топологических схем действия в перцептуальном пространстве», ибо теперь прихожан призывали совершать поклон в сторону алтаря, когда они входили в церковь или покидали ее; им также запрещалось входить в пресвитерий[62]. Церковные каноны 1603 года предписывали[63] во время службы совершать поклон, когда звучало имя Иисуса[64]; вставать со скамей и стоять во время чтения Евангелия и при произнесении Символа веры[65]. Более того, мирянам надлежало причащаться коленопреклоненными и у алтарной ограды. Как отмечает К. Финчам, после реформационных событий XVI века во многих приходах Церкви Англии существовало определенное разнообразие практики: некоторые прихожане предпочитали принимать причастие на коленях, предварительно приблизившись к причастному столу или преклонив колени

57 Yates, N. *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*, p. 19.

58 Fincham, K. “The Restoration of Altars in the 1630s”, p. 925.

59 Ibid.

60 Yates, N. *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*, p. 19.

61 См.: *Прак Н.Л.* Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории / пер. с англ. Е. Ванеян; под науч. ред. С. Ванеяна. М.: Дело, 2018.

62 Yates, N. *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*, p. 20.

63 *Constitutions and Canons Ecclesiastical, 1603*, pp. 11–12. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1900.

64 Fincham, K. (ed) (1998) *Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church. Vol. II*, pp. 31–32, 56. Woodbridge: The Boydell Press.

65 Ibid., p. 56.

на специальные наклонные подставки вокруг него; но были и те, кто причащались «по старинке», сидя на своих скамьях[66].

Однако уже в начале XVII века некоторые епископы пытались утверждать единообразие практики. Еще при визитациях 1619 года в диоцезе Винчестера Ланселот Эндрюс предписывал выяснять у священников, причащали ли они только коленопреклоненных мирян и отказывался ли кто-нибудь преклонять колени во время таинства[67]. Интересно, что 2 июня 1633 года общее собрание ризницы церкви св. Варфоломея-около-Биржи приняло решение о введении соответствующих практик[68]. Будучи еще епископом Лондона, У. Лод (видимо, по результатам визитации 1632 года), предписал приходу св. Марии (*St Mary Aldermanbury*) возвести в храме алтарную преграду и преподавать прихожанам Причастие только коленопреклоненными около нее[69]. А VII канон 1640 года постановил, чтобы алтари всех церквей были помещены около восточной стены и обнесены изящной алтарной балюстрадой, а прихожанам предписывалось принимать причастие около последней[70].

Подчеркнем, что это не какой-то затянувшийся беззубый спор клириков «о словах», а самое что ни на есть материальное воплощение архитектонического принципа «краеугольного камня» (как одного из действенных механизмов религиозной само/идентификации и ярчайших маркеров религиозной само/идентичности).

Выводы

Подведем итоги. Эдвардианские реформы середины XVI века — отправная точка начала радикальной борьбы с литургическими маркерами католической идентичности в Англии. Но, как следует из вышесказанного, Ричард Хукер — авторитетнейший теоретик литургического богословия и апологетики цер-

66 Fincham, K. “The Restoration of Altars in the 1630s”, p. 936.

67 Fincham, K. (ed) (1998) *Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church. Vol. I*, pp. 179–180. Woodbridge: The Boydell Press.

68 Fincham, K. (ed) *Visitation Articles and Injunctions of the Early Stuart Church. Vol. II*, p. 82.

69 Fincham, K. “The Restoration of Altars in the 1630s”, p. 937.

70 “Constitutions and canons ecclesiastical, 1640”, in Cardwell, E. (ed) (1842) Synodalia, pp. 404–405. Oxford.

ковной эстетики елизаветинской эпохи,— отстоял право на реабилитацию «прежнего благочестия». Его взгляды на храмовое богослужение и благоустройство — в первую очередь, литургическое — послужили опорой для физического возвращения поруганным и порушенным реформатами святыням хоть в какой-то степени былой славы и красоты.

«Красота святости» в изложении Р. Хукера позволяет применить к его учению богатый аналитический инструментарий современной иеротопики, литургиологии и ритуалогии, поскольку сам английский богослов фактически стоял у истоков литургики и ритуалистики своего времени (XVI век).

Ценность оптики «поворота к материальному» видится в том, что она высвечивает новые грани таланта и влияния именитого английского теолога. Сегодня его идеи рассматриваются комментаторами в общем «плавильном котле» философии и семиотики архитектуры.

Литургия и связанные с ней пространственные и ритуальные практики выступали не только средством выражения богословских идей, но и ключевым механизмом формирования конфессиональной идентичности. Через институционализацию повторяющихся моделей богослужебной жизни и церковного архитектурного пространства Церковь Англии создавала устойчивые рамки, в которых индивидуальное благочестие соединялось с коллективной лояльностью, порождая константную конфессиональную идентичность.

Библиография/References

Бондаренко И. А. Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017.

Бюхли В. Антропология архитектуры / пер. с англ. М. В. Григорьевой и О. В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2017.

Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред-сост. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.

Давыдов И. П. Роль культуральных поворотов в изучении истории религии и церкви // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 134. № 12. С. S207987840029690–8–1. DOI: https://doi.org/10.18254/s207987840029690–8.

Давыдов И. П. Урбанистика православного храма // Религиоведение. 2002. № 1. С. 137–148.

 © Иван П. Давыдов, Иван А. Фадеев

Давыдов И. П. Философия литургии как религиоведческая дисциплина // Религиоведческий альманах. 2025. Т. 14. № 1. С. 31–37.

Давыдов И. П. Философия христианского литургического искусства // Искусство и религия: антиномии природы человека: сб. науч. докладов Всероссийской научной конференции. Владимир, 2025. Владимир: Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. С. 80–88.

Давыдов И. П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Изд-во РХГА, 2021.

Давыдов И. П. Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс, 2013.

Давыдов И. П., Фадеев И. А. Как мыслят церковные институты. Механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. Вып. 89. М.: Аквилон, 2024. С. 220–231. DOI: https://doi.org/10.21267/aquilo.2024.89.89.015.

Давыдов И. П., Фадеев И. А. Конфессиональная (само)идентификация в Церкви Англии конца елизаветинской эпохи: взгляды Ричарда Хукера на церковный ритуал // Диалог со временем. Вып. 82. М.: Аквилон, 2023. С. 29–43. DOI: https://doi.org/10.21267/aquilo.2023.82.82.001.

Давыдов И. П., Фадеев И. А. Сравнительная литургика как историческая дисциплина: эпистемологический аспект // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 5. С. 5–20. DOI: https://doi.org/10.31857/s013038640021043–5.

Дорофеев Д. Ю., Марков Б. В. Визуальная антропология и коммуникация: философский взгляд. СПб.: РХГА, 2022.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М.: Дело, 2018.

Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.—сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006.

Иерусалим в русской культуре / отв. ред.—сост. А.Л. Баталов и А.М. Лидов. М.: Наука; Вост. лит-ра, 1994.

Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П. История английской архитектуры / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003.

Кох В. Энциклопедия архитектурных стилей. Классический труд по европейскому зодчеству от античности до современности / пер. с нем. Л.И. Кныш. М.: Бертельсманн Медиа, 2005.

Небесный храм в раннем иудаизме и христианстве / под ред. Томаса Гарсии-Уидобро и А.А. Орлова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2022.

Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума / ред.—сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006.

Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Прак Н.Л. Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории / пер. с англ. Е. Ванеян; под науч. ред. С. Ванеяна. М.: Дело, 2018.

Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей / отв. ред. О.В. Белова. М.: Ин-т славяноведения РАН, Сэфер, 2008.

Сакральная топография средневекового города / ред.—сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев // Известия Института христианской культуры Средневековья. Т. 1. М.: ИХКС, 1998.

Семиотика пространства: сб. науч. трудов Междунар. ассоц. семиотики пространства / под ред. А.А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999.

Таруашвили Л.И. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках ордерного зодчества. М.: Языки русской культуры, 1998.

Фадеев И.А. Литургия, конфессиональная идентичность и институциональные изменения: лютеранские и реформатские литургические проекты в эпоху Реформации // Новая и новейшая история. 2025. № 4. С. 28–29. DOI: https://doi.org/10.31857/S0130386425040031.

Фадеев И.А. Церковь Англии XVI–XVII вв.: литургия, идентификация, лояльность // История. 2024. Т. 15. Вып. 5 (139). DOI: https://doi.org/10.18254/S207987840031194–2.

Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: Маска, 2015.

Храм земной и небесный. Вып. 1 / сост. Ш.М. Шукуров. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Храм земной и небесный. Вып. 2 / сост. Ш.М. Шукуров. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Шукуров Р.М. Создание сакральных пространств: две новые публикации // Византийский временник. 2010. Т. 69. № 94. С. 370–374.

Anderson, C. (2007) *The Material Culture of Domestic Religion in Early Modern Florence, c. 1480—c. 1650*. Two Vols. York: The University of York.

Bouquet, M. (2012) *Museums. A Visual Anthropology*. London–New York: Berg.

Brent Plate, S. (ed) (2015) *Key Terms in Material Religion*. London–Oxford–New York: Bloomsbury Academic.

Buggeln, G., Paine, C., Brent Plate, S. (eds) (2017) *Religion in Museums: Global and Multidisciplinary Perspectives*. London–Oxford–New York–New Delhi–Sydney: Bloomsbury Publishing.

Christensen, L.B., Jensen, J.T. (eds) (2017) *Religion and Material Culture. Studying Religion and Religious Elements on the Basis of Objects, Architecture, and Space Proceedings of an International Conference held at the Centre for Bible and*

Cultural Memory, University of Copenhagen and the National Museum of Denmark, Copenhagen, May 6–8, 2011. Turnhout: Brepols Publishers.

"Constitutions and canons ecclesiastical, 1640", in Cardwell, E. (ed) (1842) *Synodalia*, pp. 380–415. Oxford.

Droogan, J. (2013) *Religion, Material Culture and Archaeology*. London–Oxford–New York: Bloomsbury Academic.

Fincham, K. (2001) "The Restoration of Altars in the 1630s", *Historical Journal* 44 (4): 919–940.

Heywood, I., Sandywell B. (eds) (1999) *Interpreting Visual Culture: Explorations in the Hermeneutics of Vision*. London–New York: Routledge.

Hovorun, C. (2019) Sacred Architecture in East and West. Los Angeles: Marymount Institute Press.

Hutchings, T. et McKenzie, J. (2016) *Materiality and the Study of Religion: The Stuff of the Sacred*. New York: Routledge.

Jenks, C. (ed) (1995) *Visual Culture*. London–New York: Routledge.

Keble, J. (ed.) (1876) *The Works of That Learned and Judicious Divine, Mr. Richard Hooker: with an Account of His Life and Death*. Oxford: At the Clarendon Press.

Kieckhefer, R. (2004) *Theology in Stone: Church Architecture from Byzantium to Berkeley*. Oxford: Oxford University Press.

Kilde, J.H. (2008) *Sacred Power, Sacred Space: An Introduction to Christian Architecture and Worship*. Oxford: Oxford University Press.

Kilde, J.H. (2022) *The Oxford Handbook of Religious Space*. New York: Oxford University Press.

Lake, P. (1992) "The Laudians and the Argument from Authority", in B. Young Kunze, D. D. Brautigam (eds) *Court, Country and Culture: Essays on Early Modern British History in Honor of Peter Zagorin*, pp. 149–175. New York: Rochester University Press.

Laneri, N., Steadman S. R. (eds) (2023) *The Bloomsbury Handbook of Material Religion in the Ancient Near East and Egypt*. London–Oxford–New York–New Delhi–Sydney: Bloomsbury Academic.

Mede, J. (1638) *The Reverence of Gods House: A Sermon preached at St. Maries in Cambridge, Before the Universitie on St. Matthies day, Anno 1635/6*. London: M.F. for Iohn Clark.

Miller, C. (2013) *Richard Hooker and the Vision of God: Exploring the Origins of 'Anglicanism'*. Cambridge: James Clarke and Co Ltd.

Milton, A. (ed) (2017) *Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Vol. I. Reformation and Idenity, c. 1520–c. 1662*. Oxford: Oxford University Press.

Mirzoeff, Ns. (1999) *An Introduction to Visual Culture*. London–New York: Routledge, 1999.

Morgan, D. (2021) *The Thing about Religion: An Introduction to the Material Study of Religions*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Palamarchuk, A.A. et Fadeyev, I.A. (2018) "Richard Hooker's Doctrine of Royal Supremacy in the Church of England", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya* 63 (1): 158–173.

Schwarz, R. (1958) *The Church Incarnate: The Sacred Function of Christian Architecture*. Chicago: Henry Regnery Co.

Shelford, R. (1635) *Five Piovs and Learned Discourses…* Cambridge.

Smith, M. (2008) *Visual Culture Studies*. Los Angeles–London–New Delhi–Singapore: SAGE.

Swenson, E. (2024) *Infrastructures of Religion and Power. Archaeologies of Landscape, Ritual, and Semiotics*. London–New York: Routledge.

Yates, N. (1996) *Anglican Ritualism in Victorian Britain, 1830–1910*. Oxford: Oxford University.